

СЕРГЕЙ
УШАКИН

Отстраивая историю: советское прошлое сегодня

Сергей Александрович Ушакин (р. 1966) – антрополог, историк культуры, профессор Принстонского университета (США).

Мы должны решительно отказаться от «исторического наследства», как от чего-то, не подлежащего критике. [...] Было бы величайшим преступлением и вредительством по отношению не только к грядущим поколениям, но и к нашей сегодняшней молодежи танцевать от старой прогнившей печки и пыльной дедовской кровати.

Николай Милютин¹

В 1930 году журнал «Современная архитектура» опубликовал большую подборку материалов с конкурса архитектурных и градостроительных проектов, посвященных разработке «принципов социалистической организации Зеленого города». Во вступительной статье Моисей Гинзбург и Михаил Барщ – два ведущих архитектора-конструктивиста – воодушевленно настаивали на том, что превращение Москвы в «грандиозный парк» – это самый «экономический способ» уничтожить «зло большого города» («жилищный кризис», «движущийся ад» автомобильных пробок). Признавая радикальность предложенного метода – большинство предприятий, институтов и учреждений города предлагалось «перераспределить» и «рассеять по Союзу», – архитекторы вполне отдавали себе отчет и в возможной реакции:

¹ Милютин Н.А. *Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР*. М.; Л.: ГосИздат, 1930. С. 9.

**ВМЕСТО
ПАМЯТИ:
СОВЕТСКОЕ
СЕГОДНЯ**

«Мы знаем, что наш проект социалистической реконструкции Москвы вызовет вопли старьевщиков, реставраторов и эклектиков всех мастей, но мы твердо убеждены в том, что эти радикальные предложения есть единственно реальный и осуществимый план, вполне возможный экономически уже сегодня и совершенно неизбежный завтра»².

«Вопли» пришли с неожиданной стороны. Ле Корбюзье, наблюдавший за ходом конкурса в Москве, покидая город, отправил Моисею Гинзбургу письмо, в котором подверг жесткой критике апологию дезурбанизации столицы. Как отмечал архитектор, именно урбанизация, именно увеличение концентрации населения в городах является основой развития:

«Ум развивается только в сгруппированных человеческих массах. Это плод концентрации. Распыление лишает разума и расслабляет все узы дисциплины – материальной и умственной»³.

Критика не осталась незамеченной: в ответной статье Гинзбург обозначил ряд положений, которые в определенной степени могут считаться квинтэссенцией советского понимания организации городской жизни. Обращаясь к Корбюзье, Гинзбург писал:

«Вы превосходнейший хирург современного города... Вы делаете великолепные сады на крышах многоэтажных домов, желая подарить людям лишнюю толику зелени, вы создаете очаровательные особняки, давая обитателям их идеальные удобства, покой и комфорт. Но все это вы делаете потому, что вы хотите *лечить* город, пытаетесь его *сохранить* по существу таким, каким его создал капитализм. Мы здесь, в СССР, находимся в более благоприятных условиях: нас не связывает прошлое. [...] Мы ставим диагноз современному городу. Мы говорим: да, он болен, смертельно болен. Но лечить его мы не хотим. Мы предпочитаем его уничтожить и хотим начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий»⁴.

Исторические аналогии – это всегда полуправда. И все же. Как показывают тексты, собранные в этом разделе, та негативная связь между новым урбанизмом и историей, которую обозначил Гинзбург восемьдесят лет назад, во многом продолжает определять отношение к городской среде до сих пор. Меняется цель: место идеи «города-сада» сегодня может занимать, например, идея строительства столицы нового независимого государства. Меняется масштаб: «перераспределение по Союзу» съезживается до границ одного отдельно взятого центра. Меняются объекты градостроительной критики: «купецкие образ-

2 Барщ М.О., Гинзбург М.Я. *Зеленый город* // Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 22.

3 Ле Корбюзье. *Письмо к Гинзбургу* // Там же. С. 61.

4 Гинзбург М. *Ответ Ле Корбюзье* // Там же.

цы»⁵ и «отвратительный стиль модерн»⁶ – любимые мальчики для битья в критических разборах советских архитекторов-конструктивистов – уступают место памятникам и зданиям, возникшим уже в период социализма. Несмотря на все эти перемены, общее отношение к недавней истории во многом сохраняет свою направленность: «лечить» больное прошлое все так же не хочется. Разнообразные методы уничтожения прошлого оказываются предпочтительнее болезненных операций по его «хирургической» адаптации: планы модификации городского пространства все так же «благоприятно» не связаны с его историей.

В зависимости от конкретной ситуации эта историческая не-связь проявляет себя по-разному: от «забывания» существенных элементов городской истории (в Минске) до полной трансформации физического и символического силуэта пространственных структур недавнего прошлого (в Риге). Стилистические различия в актах смещения и замещения примет советского прошлого, впрочем, вряд ли могут скрыть их принципиальное родство: пространственно-историческая диссоциация создает ситуацию, в которой «места памяти» (*lieu de mémoire*), лишённые своей памятной компоненты, становятся пустыми означающими, «экранами» для проекций, способными служить знаками отсутствия – местами «вместо памяти» (*au lieu de la mémoire*). Производство памяти, которое знаковые места традиционно призваны осуществлять, увязывая воедино пространство, образ, исторический опыт и эмоции, в данном случае вытесняется иными процессами социально-дискурсивной инженерии – будь то формирование альтернативной пространственной генеалогии (в Астане) или нелинейной истории мемориалов (в Элисте).

Разумеется, сами по себе эти практики замещения и фрагментации (советской) истории не оригинальны: политика памяти традиционно связана, прежде всего, с политикой мемонической цензуры, то есть с практиками избирательного забывания. Постсоветские практики проработки советского прошлого любопытны иным: практически все тексты данного раздела документируют попытки вообразить прошлое и настоящее в виде таких «пространственных культорганизаций»⁷, которые были бы лишены – как и настаивал Гинзбург – внутренних противоречий. Воображаемая или физическая гомогенизация пространства, своеобразная «зачистка» городской

5 Милютин Н.А. Указ. соч. С. 9.

6 Гинзбург М. Конструктивизм в архитектуре. Доклад на Первой конференции Общества современных архитекторов // Современная архитектура. 1928. № 5. С. 145.

7 О «пространственной культорганизации» см., например, третий выпуск журнала «Современная архитектура» за 1929 год.

среды становится едва ли не основным способом реорганизации истории: на смену утопическому советскому будущему пришло утопическое постсоветское прошлое.

Написанные двадцать лет спустя после распада Советского Союза статьи, собранные в этом разделе «НЗ», важны не только прослеженной в них симптоматикой постсоветских городов. На мой взгляд, существенным является и определенный сдвиг в аналитической оптике нового поколения исследователей советского наследия. Акцент на радикальных разрывах, вызванных постсоветскими изменениями, который был столь характерен для исследователей первых двух десятилетий постсоциализма, судя по всему, сменяется подходами, в которых советский период и его конец перестают играть роль исходной точки, способной объяснить траекторию *сегодняшнего* движения. Расширяя географические, хронологические или, допустим, философские рамки своих интерпретационных подходов, исследователи тем самым существенно трансформируют местоположенность советского прошлого и его последствий: из всеобъемлющей объяснительной схемы советская история превращается в частный случай, в исторический курьез, которым при желании можно пренебречь.

Безусловно, в этой маргинализации советского периода можно видеть вполне определенное политическое стремление к десовветизации пространства и истории. Вместе с тем эта локализация границ советского опыта, как и любое вытеснение, на мой взгляд, свидетельствует об отсутствии внятных нарративных и аналитических рамок, в которых могла бы осуществляться проработка советского времени. Собственно, как показывают практически все статьи данного раздела, в ситуации, когда «советское» оказалось замкнутым между молотом сталинских репрессий и наковальной «ностальгии по СССР», наиболее доступным семиотическим жестом становятся разнообразные акты десимволизации знаков (присутствия) социализма.

Важно и другое: нацеленность авторов на анализ значимых *деталей* (монументов, зданий, названий и так далее), а не *общего* контекста является своеобразной вариацией «истории крупным планом», предложенной в последние годы многочисленными исследователями советской повседневности⁸. Акцент на текстуре, предметности и фрагментах позволяет сохранить «верность» исторической специфике, не ставя при этом каких бы то ни было концептуальных задач: (советский) быт, как мы

СЕРГЕЙ УШАКИН

ОТСТРАИВАЯ ИСТОРИЮ:
СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ
СЕГОДНЯ

⁸ См., например: АНДРЕЕВА И. *Частная жизнь при социализме. Отчет советского обывателя*. М.: НЛО, 2009; ГУРОВА О. *Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью*. М.: НЛО, 2008; ЛЕБИНА Н.Б., ЧИСТИКОВ А.Н. *Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Критику сходного подхода в послевоенной Германии см.: SANTNER E. *Stranded Objects: Mourning, Memory, and Film in Post-War Germany*. Ithaca, 1990.

помним, не нуждается в сюжете⁹. Не стоит, впрочем, недооценивать значимости этой этнографии десимволизирующих и деконтекстуализирующих практик: при близком рассмотрении предметы и практики (пост)социализма приобретают структурную сложность, которая была не очевидна ранее¹⁰.

Исчезновение «больших нарративов» и связанное с этим исчезновением желание воздержаться от каких бы то ни было «альтернативных» вариантов находится в центре анализа Андрея Казакевича и Юлии Скубицкой. В обоих случаях и постсоветский Минск, и постсоветский Харьков демонстрируют сходную тенденцию: «символика места», столь значимая после распада СССР, сменяется своего рода «символической бесчувственностью». Исходная смысловая нагруженность пространства утрачивается. Митинги оппозиции могут проходить под памятником Ленину. Прагматика городской среды оказывается важнее ее потенциального идеологического воздействия. Это не значит, что пространство города исчерпало свои нарративные возможности. Скорее, сменилась шкала символизации: вместе с генеральными планами городской застройки в прошлое ушли и общенациональные конвенции символизации. В итоге, «хаос» локальных нарративов стал не только реакцией на отсутствие «общих мест», но и формой защиты от навязываемых форм коллективной идентичности.

Тема символического и пространственного хаоса как культурной логики постсоциализма, пожалуй, доведена до предела в статье Любови Четырковой. Площадь Ленина в Элисте – с шахматной доской, памятником вождю мирового пролетариата, находящемуся в пространственном диалоге со скульптурой Будды Шакьямуни и Пагодой семи дней неподалеку – обозначает и уже отмеченное отсутствие какого бы то ни было стремления к общей стилистической рамке, и фрагментарность практик кодирования истории, но вместе с тем – и пространственную совместимость всех этих «осколков» разнообразных символических систем. Показательно, что в статье Четырковой эта внешняя разнородность и противоречивость постсоветской Элисты трактуется как структурно непротиворечивый феномен. Видимая гетерогенность приобретает *внутреннюю* стройность: то, что казалось стилистической и идеологической эклектикой на практике оказывается формой «нелинейного» восприятия истории.

Иную форму нелинейной постсоветской биографии советского памятника прослеживает в своей статье Мадлен Пильц. В дан-

9 См.: Эйхенбаум Б.М. *Декорации эпохи* // Эйхенбаум Б.М. *Мой современник*. СПб.: Инапресс, 2001. С. 129–132.

10 Подробнее см. об этом в моей статье: OUSHAKINE S. *Totality Decomposed: Objectalizing Late Socialism in Post-Soviet Biochronicles* // *The Russian Review* [Special Issue on Documentary Trends in Contemporary Russian Culture]. 2010. Vol. 69. № 4. P. 638–669.

ном случае исходная смысловая амбивалентность монумента *Мать Грузии* – алюминиевый сплав «национального» и «социалистического» – позволяет сохранять свою культурную актуальность сегодня. Значимость советского монумента сохраняется благодаря его способности быть не столько носителем фиксированного смысла, сколько экраном, на который могут проецироваться разнообразные индивидуальные истории и биографии. Выставка «Непарадная история» Киргизии, о которой идет речь в статье Нины Багдасаровой и Марины Глушковой, – это тоже попытка проанализировать возможность актуализации советской иконографии в несветском контексте. Как и в случае с *Матерью Грузии*, сила советских образов «Непарадной истории» заключается в слабости их символической нагрузки. Цель образов в данном случае – не активация «пластов» зрительской памяти, но мнемоническая сцепка эмоций индивида и идеологического посыла власти. Принципиально, что ключевым в символической работе и *Матери Грузии*, и образов «Непарадной истории» оказывается их советский *стиль*, то есть способ формальной организации визуальных элементов, знакомый по «прошлой жизни». Среди статей раздела эти две работы отличаются, наверное, наиболее последовательным стремлением показать, что десветизация «исторического наследия» может осуществляться не только при помощи прямого уничтожения его следов, но и посредством его стилизации, – последовательной и постепенной *формализации* эстетических приемов советского периода.

Еще три статьи раздела демонстрируют, как «места памяти» советского прошлого приобретают новые значения не столько в ходе дискурсивного реформатирования смыслов этих «мест», сколько в процессе физической перестройки их структур. В работе Цыпылмы Дариевой история бакинской набережной становится любопытной метафорой недавней истории в целом. Популярное в советское время место «организованного социалистического отдыха трудовых масс» приходит в запустение в начале 1990-х, чтобы вновь превратиться в неолиберальную версию Зеленого города (национальный парк) в начале прошлого десятилетия. Статья Дариевой прослеживает появление и развитие двух важных и взаимосвязанных тенденций. Во-первых, *локальные* пространственные тропы и метафоры все активнее начинают использоваться для маркировки *глобальных* амбиций новых независимых государств (Баку как «Дубай на Каспии»). Акцент на собственной местоположенности рассматривается как исходная точка масштабных картографических фантазий. Во-вторых, *глобализация* архитектурных планов сопровождается последовательным уходом от понимания *публичного* пространства как места, где формируются коллективные идентичности и складываются практики социального взаимо-

СЕРГЕЙ УШАКИН

ОТСТРАИВАЯ ИСТОРИЮ:
СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ
СЕГОДНЯ

действия: все чаще городская среда воспринимается с точки зрения ее возможностей для репрезентации власти и капитала.

Как и в случае «Дубая на Каспии», история превращения провинциальной Акмолы/Целинограда в столичную Астану («символический центр Евразии») – это тоже попытка уйти от советской истории при помощи несоветской географии. Перенос столицы стал знаком не только разрыва с прежним политическим устройством, но и точкой отсчета новой идеологии («евразийства»), в которой пространственные термины и метафоры становятся ключевым политическим аргументом.

Статья Гунтиса Шолкса, Гиты Дзюс и Елены Чистяка, завершающая этот раздел, любопытным образом демонстрирует логический финал попыток превращения истории в географию, точнее – попыток восприятия структуры прошлого исключительно как структуры пространства. В данном случае «больное прошлое» подвергается радикальной санации: советские промышленные структуры в Риге, переведенные в термины «деиндустриализованных зон и деградированных городских участков», становятся теми площадками, на основе которых может начаться процесс обновления и джентрификации столицы Латвии.

В 1926 году в проекте «Серия небоскребов для Москвы» Эль Лисицкий убеждал своего читателя:

«Мы живем в городах, родившихся до нас. Темпу и нуждам нашего дня они уже не удовлетворяют. Мы не можем сбрызнуть их с сегодня на завтра и “правильно” вновь выстроить. Невозможно сразу изменить их структуру и тип»¹¹.

Как мы знаем, несмотря на все попытки, «сбрызнуть» неудовлетворительные города тогда не удалось. Попытки выстроить «вновь и правильно», в общем, тоже оказались малоутешительными. Сделать из Москвы «грандиозный парк» не получилось. Подспудно история постсоветских городов, рассказанная в этом разделе, указывает на то же: практически повсеместно желание осуществить радикальную зачистку исторического наследия наталкивается на сопротивление (материалов) прошлого. Несмотря на все старания, никакая лепнина из фибробетона не сможет скрыть советского облика хрущевских пятиэтажек, стоящих на главной улице новой столицы нового независимого государства. Собственно, главный посыл статей данного раздела, наверное, и сводится к простому признанию того, что нового прошлого не будет и что степень исторической свободы проявляется не в уничтожении «исторического наследия», а в способности находить с ним общий язык.

11 Лисицкий Э. *Серия небоскребов для Москвы. Проект Эль Лисицкого* [1926] // Эль Лисицкий. 1890–1941. К выставке в залах Третьяковской галереи / Сост. Т.В. Горячева, Н.В. Масалин. М.: Государственная Третьяковская галерея, 1991. С. 95.